

УДК 165.42

DOI: 10.34824/VKNIIRAN.GUMNAUKI.2022.3.3.007

ПРОБЛЕМА ОБЪЕКТИВНОСТИ В СООТНОШЕНИИ С МЕТОДОМ СОЦИАЛЬНОЙ ЭПИСТЕМОЛОГИИ

© Аргамакова Александра Александровна (b), Махаев Маир Русланович (a, c)

- (a) Московский международный университет, директор (представитель) в Назрани, Республика Ингушетия, г. Назрань; к.ф.н., makhaev-87@mail.ru
- (b) Институт философии РАН, Российская Федерация, г. Москва; научный сотрудник, к.ф.н., argamakova@gmail.com
- (c) Комплексный научно-исследовательский институт им. Х.И. Ибрагимова Российской академии наук, Российская Федерация, г. Грозный; отдел социально-политических и историко-филологических исследований, makhaev-87@mail.ru

Аннотация. В статье изложены результаты дискуссий между коллегами из Института философии РАН, Московского международного университета и КНИИ РАН¹ о соотношении субъективных и объективных параметров познания, которые эксплицирует метод социальной эпистемологии. С несовместимых точек зрения осмыслены вопросы ценности объективного знания, релятивизма и научного реализма в социальных исследованиях науки: от скептической интерпретации в духе интернализма и научного рационализма к нейтральному социологизму и, наконец, прочтению социальной эпистемологии как действенного метода достижения объективности, а также улучшения когнитивных способностей познающего субъекта за счет коллективных ресурсов.

Социальную эпистемологию понимали и в качестве того, что привносит иррационализм и релятивизм в метатеорию науки, и как метод достижения большей объективности. Кажется, сама социальная эпистемология может заменить дискурс знания дискурсом власти, что является проблемой и кричащим вызовом для всего проекта. Вместе с тем, роль социальной эпистемологии в улучшении когнитивных способностей и организации исследований могла бы стать решающим аргументом против скептицизма в отношении ее метода.

Ключевые слова: объективность, субъективизм, реализм и релятивизм, скептицизм, когнитивные способности, знание и власть, социальная эпистемология, социология знания.

OBJECTIVITY IN ITS RELATIONS TO THE METHOD OF SOCIAL EPISTEMOLOGY

¹ В дискуссии приняли участие: А.А. Аргамакова (к.ф.н., ИФ РАН), М.Р. Махаев (к.ф.н., ММУ, КНИИ РАН), Ф.В. Димаева (к.ф.н., КНИИ РАН). В статье также приведены реплики О.Е. Столяровой (д.ф.н., ИФ РАН), Т.Д. Соколовой (к.ф.н., ИФ РАН), Л.А. Тухватулиной (к.ф.н., ИФ РАН) и Е.В. Масланова (к.ф.н. ИФ РАН) с теоретического семинара «Проблемы рациональной философии» от 18.10.2022 г. (ИФ РАН).

© Argamakova Alexandra Aleksandrovna (b), Makhaev Mair Ruslanovich (a, c)

(a) Moscow International University, director (representative) in Nazran, Republic of Ingushetia, Nazran; Ph.D., makhaev-87@mail.ru

(b) Institute of Philosophy RAS, Russian Federation, Moscow; researcher, Ph.D., argamakova@gmail.com

(c) Kh. Ibragimov Complex Institute of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation, Grozny; department of socio-political and historical and philological research, makhaev-87@mail.ru

Abstract. This paper has appeared as a result of discussions between the colleagues from the Moscow Institute of Philosophy and Complex Research Institute (Russian Academy of Sciences) on the essential questions concerning subjective and objective constituents of cognition explicated by the method of social epistemology.

There are several incompatible perspectives considering the value of objectivity and problems of relativism vs. scientific realism in social studies of science: from skeptical reaction to sociology-based methods inspired by internalism and scientific rationalism toward neutral sociologism and, finally, understanding social epistemology as an effective method of getting objectivity and strengthening cognitive capacities of epistemological subject on the basis of collective resources.

Social epistemology has been understood as something misleading – what brings relativism, subjectivism and irrationalism in the metatheory of science as well as, in contrast, a reliable way for increasing scientific objectivity. It seems to us that social epistemology itself may shift the focus from the discourse of knowledge toward the discourse of power. This is a theoretical problem and non-reducible intellectual challenge for the entire project of social epistemology.

And at the same time, its role in improving cognitive capacities and research practices of scholars gives the persuasive argument against skepticism related to its method.

Key words: objectivity, subjectivism, realism and relativism, skepticism, cognitive capacities, knowledge and power, social epistemology, sociology of knowledge.

Объективность представляет собой безусловную эпистемическую ценность. Более того, многие мыслители понимали ее как главное свойство истинностного знания, которое указывает на соответствие реальности и независимость от искажающих личностных влияний. Вне зависимости от принятой философской позиции (реализм, антиреализм, репрезентатизм, трансцендентализм, концептуализм, конструктивизм, прагматизм), достижение объективности всегда полагалось как регулятивный идеал научного познания. Вначале философы выясняли, что есть истина. Как истина достигается и какие когнитивные источники ее обеспечивают. Позже внимание обратили на то, как истина представлена в сознании мыслящего субъекта. Неразличимые понятия истины и объективности разошлись в своем смысловом содержании [1]. Согласно точке зрения Л. Дастон и П. Галисона, объективность изобретается в XIX в. вместе с арсеналом техник по сдерживанию своеволия субъективности

(графические изображения, статистический вывод, численные методы, клинические испытания, самопишущие приборы, квантификация, формализация и некоторые другие) [2, с. 54–55, 69, 102].

Если истина и реальность превращались в теоретическую проблему, объективность оставалась спасительным кругом после очередного крушения рациональных основ мышления.

Социология науки, а затем социология знания и социальная эпистемология², совершали свои первые шаги, непосредственно обратившись к тому, что раньше считалось иррациональными и вненаучными, т.е. внешними и в каком-то смысле произвольными основаниями научных идей³. Сверхзадача, понятая как дезавуирование роли внешнего контекста в науке, закономерно могла восприниматься в противоположных смыслах.

Во-первых, как подрыв объективности научного знания⁴. Соответствующая линия понимания связана с критической реакцией научных реалистов на проект социологии знания (А. Сокал) и протест убежденных интерналистов против социологизма в описаниях природы науки (А. Койре). Безутешный вывод, к которому они дружно приходят: социальные описания порождают иррационализм и релятивизм, а значит, несовместимы с научной объективностью [4]. При таком восприятии субъективное неизбежно трактуется негативно, как то, что подлежит элиминации в научном познании или философской рефлексии. Вопреки доминированию неклассических форм рациональности, научные реалисты оставались верны строгим принципам объективизма и натурализма.

Во-вторых, проект социальной эпистемологии выносит ряд основополагающих смысловых вопросов из области спекуляций о научной рациональности, зависящей от когнитивных способностей и физического мира, в область изучения социальных механизмов формирования научных убеждений. Соответственно, он был нужен для того, чтобы распутать gordiev узел созависимости объективных и субъективных факторов в научном познании. Т. Кун привнес социологию в исследования науки на таком основании. Он видел в социальном одно из измерений познания, дополняющее работу с фактами и системами теоретических положений, образующих собой научную парадигму. В этом смысле, социология не отдаляет познание от реальности, а познающего от объективного. Переключая внимание на межличностные коммуникации субъектов, она указывает еще один источник знания, который соотносится с другими (чувства, разум, рассудок, интуиция, воображение и прочее). Субъективное и объективное, таким образом, могут непротиворечиво сочетаться в научном познании, подвергаться философскому анализу как его не редуцируемые конститuenty, без

2 Другие исследователи справедливо возводят историю понятия «объективность» к схоластической философии. См.: [3, с. 193–216].

Для точности заметим, что социология науки, социология знания и социальная эпистемология являются самостоятельными исследовательскими программами. Однако их сближает поворот к изучению социального измерения науки, обращение к социологии как методу и объекту изучения для понимания исторических форм научного знания и его социальной природы. Поэтому для них характерны содержательные корреляции, общее тематическое поле, конвергенция языка и теорий. По этой причине в отдельных случаях социология науки и социология знания, социальная философия науки и социальная эпистемология будут пониматься нами обобщенно. См. также: [12, с. 393; 3; 13].

3 Произвольность означает ту меру свободы, которой обладают социальные явления в отличие от необходимости физических фактов, которая основана на естественнонаучном детерминизме. Впрочем, она может стать прологом к пониманию социальной обусловленности в отличие от случайности научных идей.

4 Взаимосвязь проблемы объективности, релятивизма и реализма с эпизодом научных войн в STS исследована, например, в диссертационной работе профессора СПбГУ Л.В. Шиповаловой [6, с. 128–166].

подрыва каких-либо рациональных основ мышления. Остается уточнить: какой вид субъективного знания допустим в науке, а какой станет предметом критики и устранения.

В-третьих, социология научного знания может восприниматься как данность, с которой имеет дело социальный ученый. Одна часть научных идей имеет причины в физическом мире, другая часть — обусловлена внешним контекстом. Социолог изучает и те, и другие причины. Он описывает историю науки без упущений, непредвзято, в ее естественной полноте. Социология в этом смысле интеллектуально нейтральна. Она показывает разные стороны того, как мыслят ученые и что вероятно повлияло на их убеждения [5]. С ее точки зрения интерсубъективность может ничем не отличаться от научной объективности. И то, и другое обеспечивает достоверность и принятие научных убеждений. Несмотря на смену исторических контекстов, которая естественно создавала поводы для релятивистских настроений [6, с. 6–7], интерсубъективная достоверность могла заменить идеал вневременной объективной истины в науке.

Конструктивистская эпистемология наиболее выразительно показывает условия и следствия подмены объективности интерсубъективностью, а предметного знания — социальной конструкцией. Похожие стремления присущи прагматизму Р. Рорти, потому что он усматривал основания объективности знания в коллективной солидарности [6, с. 147]. В этом смысле границы между субъективным и объективным, социальным и физическим размывались до исчезновения. И эта мысль нашла наиболее радикальное выражение в акторно-сетевой теории Б. Латура, С. Вулгара, Дж. Ло и ряда других авторов.

Наконец, как социальная эпистемология, так и социология знания не исключают того, чтобы быть понятыми совершенно противоположным образом — в качестве приближения к большей объективности научных истин. В таком случае они благоприятствуют уменьшению или ограничению поля субъективности.

Это значит, что «нет объективности без подлежащей сдерживанию субъективности» [2, с. 76]. Ф. Бэкон разоблачал социальные идола, чтобы избавить науку от ложных источников знания. Р. Декарт избавлялся от недоброкачественных примесей в чистом рассудочном познании. К. Маркс понимал научные теории как составную часть идеологической материи и желал отделить их от реакционного псевдосодержания.

По замечанию Л. Дастон и П. Галисона: «Если объективность была призвана к существованию для того, чтобы отрицать субъективность, то возникновению объективности должно соответствовать появление определенного типа своевольной самости, воспринимаемой как угроза научному знанию» [2, с. 81]. Социологи знания Д. Блур и Б. Барнс полагали, что в подходах философов социальные факторы понимались тенденциозно как искажение истины. Социальные факторы приравнивались тем самым к субъективным и широко наделялись негативными коннотациями. Социальные факторы, тем временем, всего навсего обозначали автономный источник идей наряду с другими. Впрочем, новый источник знания никогда не был прост и однозначен.

Социальные факторы — всего лишь общая фраза для многих случаев. Социальные факторы обозначают: общественные предрассудки, неизбежно отягощающие сознание; конвенции, открыто принятые и согласованные учеными; диспозиции к действиям, заимствованные из коммуникации; социальные конструкции, рожденные из интеракций ученых; нормы исследования, присущие принятой парадигме; культурные символы, зависящие от коллективной памяти; биографические реминисценции, уникальные для познающего;

тому подобное. Социальная эпистемология нужна для того, чтобы прояснить все перечисленные и всевозможные смыслы. Понять внешний контекст значит лучше понять природу научных идей, меру обоснованности принятых убеждений. Социальная эпистемология может повышать объективность, может проводить границы для рационального мышления, может эксплицировать природу тех или иных теоретических положений. Социальная эпистемология освобождает дорогу для не замутненного предрассудками разума. Она исследует природу мыслимых вещей, а также исторически данные и нормативно допустимые основания убеждений.

Более того, ее допустимо представить как проект усовершенствования когнитивных способностей познающего субъекта. Поскольку социальная эпистемология проявляет границы и свойства человеческого мышления, находит способы повышения интеллектуального потенциала за счет коллективных ресурсов. В своей книге «Объективность» Л. Дастон и П. Галисон показали взаимосвязь эпистемологии добродетелей с условиями получения объективного знания. Они пишут на этот счет: «В научной литературе остается ядро этического императива — как делать науку и как стать ученым. Совершенное овладение научными практиками предполагает самосовершенствование, усердное возвращение определенного типа самости» [2, с. 86]. С этой точки зрения, объективность предстает не как абстрактная норма, но как историческое множество практик и система нравственных добродетелей [7, с. 50]. В связи с чем замечают, что в науке «идеал и этос создаются постепенно и принимают форму, благодаря тысячам конкретных действий, наподобие мозаики, обретающей форму из тысячи крошечных фрагментов цветного стекла» [2, с. 104]. Значит, объективность зависит от эпистемологических режимов, сформированных на основе исторической конфигурации добродетелей и техник визуализации объектов, постольку поскольку Л. Дастон и П. Галисон исследуют ее через способы изображения рабочих объектов в науке (атласы, рисунки, фотографии, рентген, гравюры, литографии, цифровые образы и прочее) [1, с. 23–25].

Научная объективность достигается через тренировку суждения, приобщение к эпистемическим добродетелям, то что было названо в общем этикой ученой самости. Объективность уже не относится к достоверности убеждений, потому что реконструируется Л. Дастон и П. Галисоном на основе графических форм представления знания. В истории науки добродетели ученых могли изменяться до неузнаваемости. И вместе с эпистемическими добродетелями изменялись режимы объективности (истина-по-природе, механическая, структурная объективность, тренированное суждение, репрезентация природы) [2].

Некоторые из режимов, как механическая объективность, намеренно накладывали ограничения на волю ученых и субъективные факторы, влияющие на результаты познания. Другие, наоборот, поощряли гений и конструирующее вмешательство в природу [1]. Механическая объективность, по замечанию Л. Дастон, старалась упразднить идеализирующие проекции человеческого разума на природу, в противоположность ей коммунитарная объективность лишь уклоняется от субъективности, производной от индивидуального и частного, от узости взгляда и перспективы отдельного исследователя и научного коллектива [6, с. 100]. Но в любом случае объективность зависела от самости, от исторически обусловленной личности исследователя, от практикующихся режимов репрезентации объектов.

Профессор социологии С. Фуллер [15], основавший ведущий в своей области журнал *Social Epistemology*, повлиявший существенным образом на формирование данной философской дисциплины и программы исследований, не случайно сближает социальную эпистемологию с трансгуманизмом как радикальным проектом обновления природы человека. Человек одновременно выступает объектом социальных наук и объектом социальной политики. Будучи направленным в будущее проектом, человек и его возможности, в том числе интеллектуальные, должны быть преобразованы на основе развивающегося инструментария технауки, самых передовых технологий человечества. Соответственно, социальная эпистемология как область познания позволяет осмыслить условия и следствия радикальной трансформации человека. Она благоприятствует формированию такого рода субъективности, которая способна преобразовывать себя на основе научного знания и в состоянии плодотворно генерировать научное знание для будущего человечества.

Кроме того, социальная эпистемология позволяет исследовать организацию науки, принципы социального проектирования и менеджмента знания для достижения глобальных практических целей. По этой причине она понималась не только в виде развития когнитивных способностей (С. Фуллер) и экспликации эпистемических добродетелей (Л. Дастон, П. Галисон), но как усовершенствование исследований – от организации лабораторий и экспертных сообществ до функционирования крупных научных институтов (С. Фуллер, Г. Коллинз, И.Т. Касавин и др.). Однако, прямо скажем, для С. Фуллера достижение истинного и объективного знания не есть основная интенция социально-эпистемологического проекта. Для него важнее институционализированное знание, социология организации и менеджмент науки, фундированность познания практической целесообразностью. Нормативный характер социальной эпистемологии поддерживает тезис о том, что она должна конструктивно воздействовать на организацию науки и «разделение когнитивного труда».

Изучение социальной природы идей релевантно вопросам социальной организации в самом широком смысле. Так как социальная организация обладает эпистемологическим аспектом. И поскольку включенные в социальные отношения участники, или социальные акторы, владеют знанием, которое используют в коммуникации с другими агентами, в принятии решений, в управлении, в реализации власти. В практическом смысле социальная эпистемология принимает форму рациональной политики знания (*rational knowledge policy*) [8, с. 5–8]. Ее эффект может выражаться в поиске оптимальных способов утилизации научных идей и технических разработок для общественных и индивидуальных потребностей человека. Ценность знаний в информационном обществе превращает эпистемологию и философию науки в профессиональную интеллектуальную «экипировку», в тренировку дискурсивного мышления, которая благоприятствует не только политическим и социальным изменениям, но и процветанию социума в целом.

С одной стороны, социальная эпистемология ведет к повышению объективности научного знания посредством сдерживания субъективных факторов познания и улучшения когнитивных способностей, или условий их применения, связанных с организацией исследований. С другой стороны, она может поощрять субъективное знание, в частности, смещая фокус внимания с дискурса знания на дискурс власти. Свои негативные последствия имеет обоснование преимуществ коллективного суждения над частным мнением или значения авторитетного, экспертного знания над знанием вообще. Нас как философов может насторо-

жить засилье оценок научных результатов на основе наукометрии (особенно скорректированной искусственным интеллектом), но также — уклон в сторону поддержания харизматического лидерства в науке (скорректированного фактором политики).

Например, недавно в работе «Проблема легитимации науки в эпоху постмодерна» (для монографии «Коммуникативные основания научной рациональности», которая должна выйти в свет в конце 2022 г.) О.Е. Столярова обосновывает тезис о том, что для науки в настоящее время утратил прежнюю силу легальный тип господства, и, как следствие, преобладает харизматическое лидерство научного разума, поддерживаемое неформальной (материальной) рациональностью. Харизматическое господство основано не на формальных правилах и абстрактных нормах, но на межличностных отношениях субъектов. Постмодерн как таковой отвергает факт постепенного расколдовывания мира и распространения формального типа рациональности. На место образам о прогрессе разума приходит идея об обратном околдовывании. Харизматический тип господства, благодаря которому поддерживается авторитет науки, воплощают не только отдельные личности, но коллективы и научные объединения. Неформально-рациональное доминирование основано на личностных, весьма субъективных, эмоционально окрашенных способах поддержания авторитета и иерархии отношений в области производства научных идей. Даже если подобное отношение формируют преимущественно оценки профессионального опыта участников. В технауче, продолжающей эвклидовскую науку и герметическую традицию, харизматическое лидерство находит благоприятную «экологическую» среду, в которой поддерживается тяга к экстраординарному и сверхъестественному вместе с не-жесткими формами рационализации. О.Е. Столярова заключает, что авторитет науки в настоящее время поддерживают не бюрократические институты, но «распределенная власть идей и распределенная власть экстраординарных компетенций». Тем не менее, подчеркивание неформальных отношений между интеллектуалами и аффективного восприятия фигуры лидера актуализирует вопрос: насколько наука в состоянии оставаться предприятием по поиску истин вместо игры с авторитетом, публикой и властью? Вера в профессиональные добродетели есть только вера. Известно, как гениальные мыслители были правы в одном, но заблуждались в другом. Поэтому Аристотель остается для нас великим логиком, но забытым физиком, несмотря на все блестящие добродетели философа. В этом состоит опасность безусловной связи научных добродетелей с авторитетом и объективным знанием в науке.

Как кажется, вопрос о субъективном и объективном далек от решения с позиций социальной эпистемологии и близких традиций (принимающих социологию в качестве метода изучения науки). Между тем, он крайне важен и у него много интригующих сторон. Допустим, на него нельзя ответить однозначно, но также нельзя сказать, что неразумно спрашивать вопросы такого сорта. После экспозиции ряда контроверз, к обсуждению с коллегами предлагаются некоторые темы, до сих пор сохраняющие свою актуальность.

ДИСКУССИЯ

Должна ли социальная эпистемология, как и наука, стремиться к достижению объективности? А значит, исследовать субъективные факторы формирования убеждений, чтобы элиминировать их? Является ли всякая субъективность препятствием для познания?

СТОЛЯРОВА О.Е. По поводу объективности, субъективности и социальной эпистемологии. Я опять начну возможно с ответа Ильи Теодоровича (Касавина), который говорит, что социальная эпистемология неоднородна и что вопросы нужно задавать ее отдельным представителям. На мой взгляд, как раз очень хорошо можно объединить и Блур, и социальную эпистемологию, и другие течения, потому что деталей много. Даже в нашем секторе существует масса деталей и нюансов, тем не менее, мы все под одной вывеской находимся. Ну это же просто (не просто, конечно) дисциплина, которая изучает социальные механизмы познания. Блур занимался изучением социальных механизмов формирования, передачи знания и чем же это не социальная эпистемология?

Что мне показалось интереснее всего в этом докладе, это действительно определение социальной эпистемологии с точки зрения объективного и субъективного, способствует ли она элиминации субъективности или оправдывает ее. Нужно сначала определить, что такое объективность. Я подумала, те фигуры, которые упоминались, они могут помочь определить, что такое объективность. Первая фигура — это Койре [14]. И Койре против чего возражал, не против Блура, конечно, но против нашего Гессена и против его социологизма. Почему он возражал? Он, действительно, считал такой социологизм субъективным. Но почему? С точки зрения Койре наука познает реальные причины вещей и умозрительные сущности, т.е. она познает реальные причины, но реальные причины в опыте не могут себя проявить. Опыт уже накладывает субъективную перспективу на наше восприятие. Поэтому с точки зрения Койре объективности больше там, где больше философии. Правильно? Он эту позицию защищал. Где больше спекулятивной философии, там больше объективности, поскольку мы отвлекаемся от опыта и проникаем непосредственно в суть вещей. Можно Гуссерля вспомнить, который критиковал объективизм, но тоже занимал позицию Койре. Они считают, что только умозрение может проникнуть в суть вещей и значит быть объективным. С точки зрения Койре, в чем был бы неправ Блур? Если представить себе такую дискуссию. Он не прав в том, что ориентирован на опыт. Блур ориентирован на эмпирию, а Койре против эмпирии и защищает объективность. Хорошо, а что говорит Блур? Возьмем сильную программу. А Блур хочет построить науку о науке, он говорит — наука о науке должна быть объективной. Он тоже за объективность, как и Койре, они все за объективность. Вот что интересно Блур говорит, почему до Блура наука о науке не была объективной? Она была субъективной, потому что в ней была философия. В ней присутствовали спекуляции и умозрение. Когда мы откажемся от спекуляций и умозрения, мы наконец построим объективную науку.

Философы живут в своем собственном умозрительном мире, они фантазируют чего-то, а реальность другая и ее нужно изучать опытным путем. Вот вам другое представление об объективности. Теперь Сокал, привлечем его тоже. Сокал выступает не против лично Блура, но против всей компании социологов науки. Сокал говорит — они субъективны. Он тоже за объективность. Это третья фигура, которая тоже за объективность. Он бы не согласился с Койре, ни за что. С точки зрения Сокала объективность там, где факты. В философии ее нет. В чем виноват Блур с его точки зрения? Блур какие-то социальные отношения привлекает. Социальные отношения — такая же спекуляция, как и спекуляции Койре. Они ничем не отличаются. Для Сокала объективность там, где опыт, а опыт изучает природу, а не социальные отношения. Три позиции — Койре, Блур и Сокал — и все за объективность, что интересно, да? Что-нибудь общее можно извлечь? Что такое объективность? Каждый

из них говорит, что наука или объективная наука, соответственно, изучает некую объективную реальность. Они все за объективную реальность. И Койре, только с его точки зрения она умозрительна, и Блур, только с его точки зрения она заключается в общественных отношениях, и Сокал, но с его точки зрения она заключается в природе. Они все по-своему отстаивают объективную реальность. И поэтому с моей точки зрения говорить об объективности не будучи реалистом невозможно. Там, где имеет место защита объективности, имеет место реализм. Вы скажете — но как же Кант? Он защитник объективности, но говорит, что реальность непознаваема. А Кант говорил другое. На обвинения в идеализме он отвечал — вы что, я не идеалист. Мой идеализм такого сорта, что он как раз возвращает объективную реальность наук. И Кант был объективным реалистом. Трансцендентальные структуры и есть та самая объективная реальность, которая одна для всех.

Мы выяснили, что они все говорят об объективной реальности, значит, мы можем ответить на вопрос — социальная эпистемология субъективна или объективна. Конечно же у нее своя собственная объективная реальность. Вы говорите, она ее элиминирует или нет? Какая объективная реальность у социальной эпистемологии? Коллективные представления. Конфликты интересов. Плюрализм мнений. Коллективные механизмы порождения знаний. Это ее объективная реальность. Если она ее будет элиминировать, она себя уничтожит, я не знаю ни одной дисциплины, которая могла бы свой объект элиминировать и при этом остаться в живых. Да такого нет! То есть она естественно защищает объективность. Но тут второй вопрос — она ее защищает для того, чтобы что? То есть она ее тематизирует, все эти странные феномены, допустим, плюрализм мнений. Она тематизирует эти феномены для того, чтобы их уничтожить? Я не согласна с этим, она их делает объективными. В этом смысле она, может быть, элиминирует субъективность. В диалектическом смысле. То есть она представляет эти феномены как имеющие значение для каждого разумного существа, поскольку они действительно имеют значение для каждого разумного существа. Они противостоят нам в качестве объективной реальности.

МАСЛАНОВ Е.В. Задача социальной эпистемологии — показать объективность нашей субъективности. Что без субъективности мы не можем получать знания, не можем транслировать знания. Не можем взаимодействовать по поводу знания. Потому что мы единственный субъект, который взаимодействует не понятно с кем, не понятно как, не понятно где. Трансцендентальный субъект, который не ясно кому и что сообщает. А все-таки знание — это социальный конструкт, который должен быть сообщен. Мы предполагаем, что оно может быть сообщением. Если его нельзя сообщить, то достаточно странно говорить о том, что мы обладаем знанием. Может, мы обладаем интуицией, какими-то странными представлениями. Социальная эпистемология не столько стремится элиминировать субъективность, сколько показать, как ни странно, ее важность для воспроизводства знания, воспроизводства любых форм распространения знаний, в том числе для воспроизводства и получения научного знания (мы понимаем, знание бывает не только научным).

СОКОЛОВА Т.Д. Все определения, которые мы приводим по отношению к объективности, либо ничего содержательного не говорят, что же она такое, либо описывают ее в качестве регулятивного идеала, некоторой нормы, которые научные дисциплины, с одной стороны, уже обладают, т.к. объективность делает их научными дисциплинами, с другой стороны, они к этой объективности стремятся. Объективность не существует как концепция. Это заостряет тезис об объективации субъективности. Если мы посмотрим на научные

практики, в частности описываемые Дастон, мы увидим как раз что объективность релятивизируется и субъективизируется, если можно так выразиться, в зависимости от конкретной исторической эпохи, от конкретных исследовательских практик, от конкретных ученых. И в этом отношении мы действительно можем рассматривать субъективные части познания, как, допустим, индивидуальный выбор исследователями проблем, над которыми они работают, вопросов, на которые они пытаются искать ответы, методологий, которые они выбирают в качестве некоторых объективных посылок для научных практик. И точно также мы можем объективность рассматривать, релятивизируя ее. Вопрос о том, должна ли социальная эпистемология пытаться достигнуть объективности и элиминировать субъективность — он просто не может быть задан. Потому что для этого нет никаких теоретических оснований.

ТУХВАТУЛИНА Л.А. Мы запутались в определениях субъективности и объективности, не пришли к какому-то консенсусу. Я возьму одно — как некий регулятивный идеал для самого ученого требование быть объективным. И здесь можно говорить, что объективность не содержательная добродетель, конкретное требование, а скорее маркер отсутствия эпистемических пороков. Мы судим об объективности как об отсутствии пороков — непредвзятость, отсутствие логических ошибок, следование ложным убеждениям, ошибок категоризации и т.д. и т.п. Объективность — это категория, которая призвана элиминировать риски, связанные с субъектом, его включенностью в познание. Объективность — это мера эпистемической ответственности ученого. То есть объективный ученый — это ответственный ученый. Исследователь всегда должен задаваться вопросом насколько он подвержен этим порокам. Если он задает его, он может претендовать на то, чтобы быть объективным. Как объективность как мера эпистемической ответственности работает в естественных и социальных науках? Очень по-разному. В естественных науках есть претензия на то, что описание и репрезентация мира все-таки стремятся к сути вещей, и это главный тезис для ученых. Есть лучшие и худшие описания (некое ранжирование). Здесь эпистемическая ответственность связана с самоограничением, с попыткой ограничить себя в том, чтобы приложить единый метод, единую схему, единую программу к исходной реальности. В этом случае мы выходим на тему эпистемического империализма, когда какие-то дисциплины, претендуя на объективное описание реальности, распространяют свои программы на другие предметные области. Появляются смешные кейсы как использование биомедицинского метода в правоведенье, например, рандомизированные и контролируемые исследования. Потому что естественнонаучные стандарты объективности являются мерилем и для социальных наук. А в случае с социальными науками, эссенциалистская объективность, попытка создать объективную картину реальности, само это стремление вызывает у меня сомнения.

Эссенциалистская позиция лишает объект возможности быть другим. В случае с социальными науками очевидно, что общество изучает себя и полная ценностная нейтральность социальных концепций — это утопия однозначно. Язык описания в социальных науках — не попытка подобраться к объекту самому по себе, а попытка пересобрать общество, которое себя через эти концепции описывает. Как общество себя пересобирает, на основании чего? Если мы следуем релятивистской парадигме, одна концепция ничем не лучше другой. Здесь упоминали Рорти. Его попытка найти выход из релятивистского тупика — достаточно интересна для социальных наук. Что критерием предпочтительности

той или иной модели мира в социальных концепциях является солидарность. Объективность — это то, что объединяет, это интерсубъективность. Правда, он предлагает лингвистический критерий. Солидарность на основе чувствительности к боли и унижению способ выхода из языковых игр для Рорти. Не буду углубляться. Существенно то, что объективность в науке вообще разная. Принципиальное различие между естественными и социальными науками — важно для противодействия тому, чтобы одни режимы объективности из естественных наук переносились в социальные науки, где собственный мир, задачи и цели, не соотносимые с миром естественных наук.

ДИМАЕВА Ф.В. Социальная эпистемология – это уже сложившаяся наука в социологии, она даже используется в каком-то смысле как синоним для «социологии знания». Термин «**социальная эпистемология**» обозначает современные версии эпистемологии, возникающие на пересечении исследовательских областей философии, социологии, социальной антропологии и истории. Вы спрашиваете должна ли она как наука стремиться к достижению объективности? Безусловно, не только должна, а обязательно должна определять как объективное, так и субъективное, в этом можно сказать одна из ее задач. Что касается вопроса элиминировать (что подразумевает исключить), то это смотря, о чем идет речь. Если речь идет о факторах формирования убеждений (субъективных), то ДА, и то смотря с какой точки зрения. Если речь ведется о мнениях, сложившихся в той или иной социальной группе, то НЕТ. Это норма для социума, социум – система неоднородная и многоуровневая. Может ли субъективность быть препятствием для познания? В точных науках ДА, говоря о философии, онтологии и т.п. – ДА, а для социального познания – НЕТ, поскольку социальная среда – это постоянно меняющаяся субстанция.

МАХАЕВ М.Р. Вопрос о том, должна ли социальная эпистемология стремиться к объективности, сопряжен с вопросом о значении понятия «объективность». Соколова Т.Д. правильно ставит такой вопрос. И приводит неплохие примеры с различающимися определениями объективности.

Действительно интеллектуальная история знает разные трактовки объективности. Д. Беркли был убежден, что никакой объективной действительности нет, а весь мир представляет собой Я-проекцию. И. Кант, не «подрывал» объективную действительность, но проблематизировал познавательные способности субъекта. Есть, разумеется, когорта мыслителей, убежденных в полной гармонии познающего субъекта и познаваемой реальности. Поэтому в зависимости от исходных онтологических предпосылок мы получим разные ответы на поставленный А. Аргамаковой вопрос.

Если рассуждать в традиционной «парадигме конгруэнтности» (известной более как корреспондентская концепция истины), социальная эпистемология, разумеется, *должна* стремиться к достижению объективности, *должна* стараться элиминировать «субъективные факторы» из научного дискурса. Однако такая формулировка порождает еще одну (уже вторую по счету) проблему: насколько социальная эпистемология *способна* быть объективной и в каких пределах *может* элиминировать «субъективные факторы».

Александра Аргамакова справедливо подчеркивает, что социальная эпистемология способствует повышению объективности научного знания посредством сдерживания субъективных факторов и улучшения когнитивных способностей познающего субъекта.

Однако «повышению объективности» и «сдерживанию субъективных факторов» есть предел. Дело в том, что объектом социальной эпистемологии является... сам познающий субъект, погруженный в социальный контекст и производящий научное знание. Полагаю, что такое положение дел не позволяет эпистемологии, в отличие от биофизики или геохимии, соответствовать строгим стандартам получения объективного знания. Если группировать науки в зависимости от условных стандартов получения объективного знания (высокие /низкие), а баллистику избрать в качестве науки-прототипа, отвечающей строгим критериям объективности, социальная эпистемология должна смириться с тем, что не соответствует высшим стандартам объективности в силу специфики объекта исследования. В этом отношении она не в одной «весовой категории» с аналитической химией, баллистикой или молекулярной биологией и прочим.

Кстати, квантовая физика с ее принципами неопределенности, дополнительности и суперпозиции (см. эффект наблюдателя) также попадает в очень непростое положение. Вопрос о том, насколько квантовая физика – объективная наука, является открытым.

В итоге скажу, что социальная эпистемология должна стремиться к объективности настолько, насколько это возможно (и она стремится к ней). Но мы не вправе предъявлять к ней такие же требования, какие предъявляем к точным наукам. Точно так же не следует ожидать от машины, которая может нести груз до 100 кг и развивать скорость до 100 км/ч, более того, на что она изначально рассчитана. Хотя если эта машина мчится со скоростью в 30 км/ч, мы можем потребовать от водителя увеличить скорость до максимума.

Является ли всякая субъективность препятствием для познания? Субъективность – имманентная черта социальных наук и социальной эпистемологии ввиду специфики объекта исследования, как было отмечено выше.

В целом соглашусь с Александрой Аргаматовой, что вопрос о соотношении субъективного и объективного в социальной эпистемологии не имеет каких-то однозначных (универсальных) ответов и далек от окончательного решения, но в то же время имеет много любопытных, интригующих сторон. Инициатива Александры Аргаматовой по обсуждению данной проблемы весьма актуальна.

АРГАМАКОВА А.А. Я скорее констатировала факт, что вопрос о соотношении субъективного и объективного не имеет однозначных (универсальных) ответов. Но мы вправе спрашивать, возможны ли ясные и общепринятые решения для него. Похожим образом, например, Л.В. Шиповалова спрашивает в своей работе, можем ли мы придать всеобщее значение идее объективности, которая в интеллектуальной традиции понимается слишком по-разному и существует во множестве смыслов [6, с. 126]. Соответственно, вопрос о легитимности субъективного и его соотношении с объективностью можно представить как требующий принципиально недвусмысленного ответа. Даже если в настоящее время простое объясняющее решение не будет найдено.

Мне кажется, всякое познание по своей целерациональной установке направлено на получение объективного знания. Социальная эпистемология и науки о человеке не являются исключением. Специфика предмета ничего не меняет, потому что объективность (минимально) — это соответствие знания изучаемой реальности. Или то, что интерсубъективно принимается учеными в качестве такого соответствия на основании согласованных протоколов исследования. В чем-то, на мой взгляд, правы прагматисты, которые могут не различать объективное и интерсубъективное знание. Объективность в итоге является тем, что

выдержало продолжительную проверку временем и коллективным суждением. Это какое-то более высокое качество знания, которое трудно оспаривать и к нему старается приблизиться познающий разум. К этому идеальному состоянию знания также возможно апеллировать в том случае, если устоявшиеся истины кажутся иллюзорными. Или если коллективное суждение, вдруг, уступает индивидуальному опыту (гения, свидетеля, эксперта, провидца, правителя, лица с привилегированным доступом к информации и т.д.).

Мне кажется, социальная эпистемология должна способствовать достижению объективного знания и ограничивать своеволие субъективности. Еще она может показать нам случаи, когда приемлемы субъективные формы знания. Она может связать их с культурным и историческим контекстом, политическими интересами, коллективными мнениями, уникальным жизненным опытом, конвенциональной природой представлений, локальной целесообразностью или другими условиями, которые мы сможем осмыслить так или иначе как рационально оправданные.

То есть социальная эпистемология имеет своим предметом и субъективные, и объективные виды и факторы знания. Она должна показать: как они сочетаются в познании; какой природой обладают; каким статусом наделяются и что нормативно приемлемо, наконец.

Впрочем, чисто дескриптивный подход нельзя сбрасывать со счетов, т.к. он часто практикуется. С точки зрения дескриптивного подхода, социальная эпистемология ничего никому не должна. Она изучает практику ученых и чем она обусловлена (в интерналистском и экстерналистском смыслах). Если ученые отходят от стандартов объективности, она может показать это. Если на ученых влияет социальный контекст, но они получают объективное знание, социальная эпистемология может объяснить, что происходит. Другое дело, если нам нужна нормативная функция эпистемологии. В этом смысле, эпистемология должна объяснить, чем является объективное и субъективное, коллективное (социальное) и индивидуальное знание. А также прояснить свои программные цели как социологической репрезентации науки. Это может быть: элиминация субъективного в науке; объяснение сочетания субъективного и объективного; ограничение поля субъективного; достижение большей объективности знания.

Замечу, что между социальным и субъективным нельзя ставить знак равенства. Под субъективным обычно понимается то, что имеет отношение к индивидуальному опыту (как неявное знание М. Полани), или локально значимому знанию (исследуется антропологами), или авторским интерпретациям, которые допустимы в гуманитарных науках. То есть субъективное знание не является общезначимым и универсальным, но не обязательно ложно.

Какие плоды принесла социальная эпистемология — рост иррационализма и релятивизма в философии науки? Или шанс на большую объективность? Как, избегая парадоксов, осмыслить противоположные выводы из метода социальной эпистемологии?

ДИМАЕВА Ф.В. В мировой практике философского познания социальная эпистемология сыграла существенную роль став авангардом, задающим вектор развития политического, экономического, социального устройства и прогрессивного развития западных стран. Для социалистического лагеря устройство и развитие обуславливалось финансовыми структурами, которые определяли сколько каждому ДАТЬ и сколько ото всех ВЗЯТЬ.

МАХАЕВ М.Р. Как уже было сказано мною выше, большего шанса на объективность социальная эпистемология по сравнению с другими направлениями эпистемологии не даст. Во-первых, субъективизм – ее имманентное свойство. Во-вторых, сложность социальных систем «не только не уступает, но частично и превосходит природные системы мерой непредсказуемости и стохастичности возможных состояний» [9]. Кроме того, для социальной эпистемологии «важно не просто зафиксировать какие-либо социальные изменения, но и встроить их в общую систему интегрального мировоззрения...» [9]. Получить единое для всех (объективное) мировоззрение в области социальных процессов не представляется возможным. Такое мировоззрение всегда будет различаться в зависимости от общественного фона, вектора социального развития того или иного государства, баланса сил в геополитической перспективе и т.д.

С точки зрения социальной эпистемологии субъект и объект познания представляют собой социальные конструкции [10]. Очевидно, что познавательный процесс осуществляется не в идеализированном абстрактном пространстве, а в определенном социуме в конкретных обстоятельствах и конкретное время. Социальные структуры, стратегии и программы, ценности и нормативы в той или иной степени влияют на познавательный процесс. И.Т. Касавин выделял три типа социальности: «внутренняя социальность», «внешняя социальность» и «открытая социальность». «Внутренняя социальность» познания имманентна познавательной активности человека. Способность к рефлексии и умозаключениям представляет собой «заложенный в человека образованием и опытом социокультурный код» [10]. «Внешняя социальность» представляет собой «зависимость пространственно-временных характеристик знания от состояния общественных систем» (скорость, широта, глубина, открытость, скрытость) [10]. И, наконец, «открытая социальность» отражает инкорпорированность знания в культурный контекст. Таким образом, «социальное» пронизывает *homo sapiens* с внутренней стороны и с внешней.

Социальная эпистемология расставила новые акценты в классической структуре познания и позволила получить более комплексное представление о познавательном процессе. На мой взгляд, это ее главное достоинство и достижение. Соглашусь с Н.В. Мотрошиловой, которая утверждала: «[...] именно контекст социальной эпистемологии помогает по-новому взглянуть на фундаментальные для общества ценности, специфику законов «групповой рациональности», на теоретические и одновременно практические вопросы социальной обусловленности познания и знания [11].

Еще одно достоинство социальной эпистемологии – в ее прикладных возможностях: историческое *case study*, исследование социальных практик с когнитивной точки зрения (как производства, обмена и хранения знаний) и проч.

АРГАМАКОВА А.А. Обращу внимание на то, что социальная эпистемология сделала предметом своего изучения научное знание вне зависимости от природы дисциплин (естественные, формальные, социальные или гуманитарные). Многие ее выводы претендуют на описание точных наук не в меньшей мере, чем наук о человеке с их непредсказуемыми, стохастичными системами. Сильная программа в социологии знания сформулирована для социальных исследований точных наук, Д. Блур и Б. Барнс применили ее даже к математике.

Предмет социальной эпистемологии — отношение науки и общества. Но поэтому ее метод использует социологическое объяснение для понимания генезиса, восприятия и распространения научных идей в обществе. Соответственно, она не избегает проблемы субъективизма и вопросов относительно сохранения идеалов научной объективности.

Противоположные выводы из метода социальной эпистемологии неизбежны. Ее критика не случайна и связана с прояснением оснований программы социального описания науки. Социальная эпистемология «по определению» открыта любым релятивистским прочтениям. Поэтому обратное она должна доказывать, несет ли она какой-либо шанс на большую объективность.

Может ли социальная эпистемология сама по себе смещать фокус внимания с дискурса знания на дискурс власти в науке?

ДИМАЕВА Ф.В. По своему хотению и желанию безусловно не может, однако являясь отражением той или иной социальной действительности, она предъявляет свои нормативные параметры: примеров тому множество — прагматизм Америки и Европы, традиционализм Азии, Индии, Африки и т.д.

МАХАЕВ М.Р. Александра Аргмакова считает, что социальная эпистемология может поощрять субъективное знание, оправдывать преимущество коллективного суждения над частным мнением и обосновывать значение авторитетного знания над знанием вообще, смещая тем самым фокус внимания с дискурса знания на дискурс власти. Убежден, что потенциальное смещение внимания с дискурса знания на дискурс власти не является проблемой, индуцированной социальной эпистемологией или иной философской дисциплиной и наукой вообще. Смещение фокуса на дискурс власти зависит не столько от дисциплинарной и методологической специфики научно-исследовательских программ (хотя они, разумеется, могут повлиять на это), сколько от общего социального вектора.

В идеологизированных тоталитарных государствах встречается одна ситуация, в открытых обществах — другая. Тоталитарное государство жестко контролирует процесс производства знаний — особенно в сфере социально-гуманитарных наук. Генерация знаний, ставящих под сомнение господствующую идеологию, создает подрывную ситуацию и угрожает наступлением коллапсирующего для режима идейного кризиса. Поэтому тоталитарным режимам требуется некий агент («жрец»), который мог бы содействовать процессу контроля за производством знаний. А для того, чтобы агент имел влияние в (научной) среде, его необходимо наделить авторитетом.

Смещение фокуса внимания на дискурс власти в тоталитарных обществах — это ручной процесс, т.е. власть его инициирует, а научная среда прямо или косвенно поддерживает. Яркий пример подобной ситуации — Советский Союз, в котором процесс выработки научного знания (особенно в области социально-гуманитарных наук) контролировался с позиций «непротиворечивости» этого знания постулатам марксизма-ленинизма, диалектического и исторического материализма. Таким образом появлялись ученые-лидеры, которые создавали образцовые труды для остальных.

В открытых обществах в качестве регулятора процесса производства знаний выступает, например, рынок. Если производителю знаний требуется расширить рынки сбыта своей продукции, он прибегает зачастую к средствам *PR* и рекламы. В этой ситуации индексы Хирша, количество степеней, научных званий (*a la* академик пяти академий) и ордеров может сыграть важную роль в продвижении научной продукции на книжном рынке.

Второй случай – когда в качестве регулятора выступает государство. Оно инициирует госзаказ и гранты (в том числе и гранты на финансовую поддержку научных школ), устанавливая критериальные требования к заявкам и руководителям (количество публикаций в *WoS*, индекс Хирша и др.).

Как первый, так и второй случай стимулируют смещение внимания на дискурс власти. Отсюда и засилье оценок научных результатов на основе наукометрии, и смена легального типа господства в науке, и преобладание харизматического лидерства научного разума (о чем писала О.Е. Столярова).

Дискурс знания и дискурс власти сосуществуют в науке как две параллельные прямые. В условиях глобализации и развития постиндустриального (информационного) общества это естественный и закономерный процесс. Отрицательным его следствием является нарушение баланса – т.е. смещение в пользу власти. В такой ситуации в науке неправомерно усиливается позиция харизматического лидера-ученого, что вредит поиску объективной истины, поскольку лидер не заинтересован в подрыве своего авторитета.

АРГАМАКОВА А.А. По моему убеждению, для науки более приемлема демократичная модель «братьев по разуму», т.е. равных и свободных личностей, вовлеченных в незаинтересованный теоретический поиск. Авторитет может быть исключительно эпистемическим, имеющим риторический эффект на мышление «пиров». Убеждать в конечном итоге должны аргументы и факты, эксперименты и измерения, теории и выводы, а не личность и биография ученого. Даже если нельзя отрицать ценность тех или иных добродетелей, которые прививает и высоко чтит научное сообщество, добродетели не должны сообщать больший авторитет, чем сами идеи ученых. Лидерство имеет значение в ситуации проведения коллективных работ и комплексных исследований, когда нужна руководящая и ответственная инстанция. Оно может быть важно для студентов и молодых научных работников, которым не хватает опыта и наставничества.

Лидерство, вождизм, жречество — все это относится к сфере политического. Поэтому социальное обоснование интеллектуальных иерархий потенциально смещает фокус нашего внимания с дискурса знания на дискурс власти. То, что два дискурса сосуществуют в параллельных реальностях, очень сомнительно. Но философия никогда не нормализовывала приоритет власти перед знанием. Хочется верить, что философия никогда не будет этого делать, даже когда практика начнет погружаться в очередные «бездны» предвзятости.

Не смотря на сказанное, научный авторитет, основанный на харизматическом типе лидерства в науке, может быть верной концепцией с точки зрения практики, т.о. идея обладает познавательной ценностью и заслуживает обсуждения.

СТОЛЯРОВА О.Е. Харизматик — это человек, который способен изменить порядок вещей. И поэтому наука, когда я говорю о ее харизматическом лидерстве, я имею ввиду, что наука способна менять порядок вещей. Она обладает компетенциями, которые не укладываются в формальную рациональность. В этом смысле она может обладать харизматическим типом легитимности. И, кстати, защитить это я предлагаю Илье Теодоровичу (Касавину), потому что он высказал раньше меня эту мысль, только он ее по-другому сформулировал. Я даже помню, мы писали комментарий на его статью, где он представил науку как дар. Она перекликается с идеей харизматического лидерства в науке, потому что дар — это и есть полученное свыше экстраординарное качество, которое способно вмешаться в нашу с вами жизнь и сильно ее видоизменить.

Что касается комментария по поводу того, что харизматическое лидерство имеет преходящий характер, временный, безусловно, это так, поскольку любая рутинизация, если я правильно помню, возвращает порядок. Она вернее устанавливает порядок вещей. Даже если его меняли, то потом рутинизация устраняет харизматическое влияние на какое-то время, но оно не исчезает, потому что порядок он ведь неустойчив, и внутри него всегда что-то созревает, что может его поменять. Поэтому харизматическое лидерство — его нельзя оценивать как временное (явление). Оно всегда где-то там присутствует, всплывает на поверхность, иногда уходит в глубину, но оно, тем менее, всегда существует.

В каких практических смыслах раскрывается идея улучшения когнитивных способностей субъекта за счет коллективных ресурсов? И если социальная эпистемология выполняет соответствующую функцию, не должно ли данное положение вещей стать решающим аргументом против скептицизма в отношении ее метода? Против сомнений, вызванных интервенциями субъективного и подрывом идеалов научной объективности?

ДИМАЕВА Ф.В. Коллективный разум может влиять на улучшение когнитивных способностей субъекта. Вопрос только в том, в какую среду субъект попадает. Когнитивные способности субъекта больше зависят от стремления к знанию.

МАХАЕВ М.Р. Социальная эпистемология сама по себе не выполняет функцию улучшения когнитивных способностей субъекта за счет коллективных ресурсов. Функция социальной эпистемологии – получение знаний о влиянии социальных обстоятельств или типов социальности (по И.Т. Касавину) на процесс научного познания. Мобилизация коллективных ресурсов может способствовать как улучшению когнитивных способностей познающего субъекта, так и ухудшению. Все зависит от типа научных сообществ (*scientific communities*).

Сообщества тоталитарного контроля стремятся к ограничению когнитивной активности субъектов. Научные школы тоталитарного типа сконцентрированы вокруг харизматичного лидера (основателя школы), осуществляющего руководство за счет своего безусловного авторитета. Если появляется познающий субъект, обоснованно проявивший сомнение в истинности всех или некоторых базовых положений школы, ее лидер в целях защиты своего авторитета мобилизует коллективные ресурсы на блокировку угрозы: например, сомневающийся субъект может быть объявлен «врагом» или «сумасшедшим».

Иной тип научных сообществ – открытые сообщества. В них баланс между дискурсом знания и дискурсом власти соблюдается: харизматичный лидер – уважаемое в коллективе лицо, неформальные отношения поддерживаются, и в то же время конструктивная критическая рефлексия базовых положений школы квалифицируется как позитивное достижение. Рефлексия поощряется, стимулируется. Все это оказывает улучшающее воздействие на когнитивные способности членов школы, на развитие самой школы.

АРГАМАКОВА А.А. Если потенциал познающего субъекта возрастает за счет коллективных форматов ведения исследований, реорганизации исследовательских практик, улучшения научной инфраструктуры, эффективных управленческих решений, а также принятия верных стратегий интеграции идей в общественную жизнь, то объективно метод социальной эпистемологии благоприятствует прогрессу науки и росту знания.

Очевидно, что менеджмент науки не является благом или злом вне зависимости от конкретных управленческих мер. Его производный эффект зависит от типа общества (демократический или тоталитарный режим), но также значение имеет функционирование научных институтов, их способность поддерживать нормы познания и стандарты совместной работы. Дисфункция может обладать как глубоко структурным, так и локальным характером, проявляющимся на уровне рабочих групп и малых сообществ. То есть авторитарным может явиться сам стиль управления в коллективе. К сведению, в условиях «не-демократических» режимов исторически известны случаи функционирования независимых, полноценных научных коллективов (например, школа феноменологии, неокантианская школа и берлинское общество в начале нацизма в Германии или кафедра социологии Психоневрологического института в царской России).

ЛИТЕРАТУРА

1. Вархотов Т.А., Гавриленко С.М., Иванов К.В., Писарев А.А. Объективность и ее история // Дастон Л., Галисон П. Объективность. М.: Новое Литературное Обозрение, 2018. С. 5-42.
2. Дастон Л., Галисон П. Объективность. М.: Новое Литературное Обозрение, 2018. 584 с.
3. Шиповалова Л.В. Стоит ли науку мыслить исторически? // Эпистемология и философия науки. Т. 51. №1. С. 18-28.
4. Сокал А.Д., Брикмон Ж. Интеллектуальные уловки. Критика современной философии постмодерна. М.: Дом Интеллектуальной книги, 2002. 248 с.
5. Bloor D. Knowledge and Social Imagery. Chicago and London: The University of Chicago Press, 1991. 203 p.
6. Шиповалова Л.В. Научная объективность в исторической перспективе. Диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук. СПб., 2014. 370 с.
7. Баева А.В. Онтология и гносеология // Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия. №3. 2018. С. 42-51.
8. Argamakova A.A. Social Epistemology and Its Ways of Setting Policy" Social Epistemology Review and Reply Collective. Vol. 4. No. 3. 2015. Pp. 5-8.
9. Рендл М.В. Социальная эпистемология в современной научной парадигме // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. №2. 2015. С. 5-9.
10. Касавин И.Т. Предмет и метод социальной эпистемологии. Язык, знание, социум: Проблемы социальной эпистемологии. М.: ИФРАН, 2007. 560 с.
11. Мотрошилова Н.В. Социальная эпистемология: новые проблемы, дискуссии и дихотомии // Эпистемология и философия науки. №5(15). 2011. С. 5-31.
12. Аргамасова А.А. Социальная эпистемология: вариативность точек отсчета и систем координат // Касавин И.Т., Воронина Н.Н. (ред.) Эпистемология сегодня. Идеи, проблемы, дискуссии. Нижний Новгород: Издательство Нижегородского университета, 2018. С. 391-395.
13. Столярова О.Е. Стоит ли мыслить науку вне истории? // Эпистемология и философия науки. Т. 51. №1. 2017. С. 47-51.
14. Койре, 1985 – Койре А.В. Очерки истории философской мысли. М.: Прогресс, 1985. 286 с.

15. Fuller, 2011 – Fuller S. *Humanity 2.0. What it Means to be Human Past, Present and Future*. New York: Palgrave Macmillan, 2011. 265 p.

REFERENCES

1. Varkhotov T.A., Gavrilenko S.M., Ivanov K.V., Pisarev A.A. Ob"ektivnost' i ee istoriia [Objectivity and Its History]. In: Daston L., Galison P. *Ob"ektivnost'*. M.: Novoe Literaturnoe Obozrenie, 2018. Pp. 5-42.
2. Daston L., Galison P. *Ob"ektivnost'* [Objectivity]. M.: Novoe Literaturnoe Obozrenie, 2018. 584 p.
3. Shipovalova L.V. *Stoit li nauku myslit' istoricheskii?* [Should We Conceive Science Historically?] *Epistemologiya i filosofiya nauki*, vol. 51, № 1. Pp. 18-28.
4. Sokal A.D., Brikmon Zh. *Intellektual'nye ulovki. Kritika sovremennoi filosofii postmoderna* [Intellectual Impostures and Fashionable Nonsense: Postmodern Intellectuals' Abuse of Science]. M.: Dom Intellektual'noi knigi, 2002. 248 p.
5. Bloor D. *Knowledge and social images*. Chicago and London: University of Chicago Press, 1991. 203 p.
6. Shipovalova L.V. *Nauchnaia ob"ektivnost' v istoricheskoi perspektive* [Scientific Objectivity in Historical Perspective]. *Dissertatsiia na soiskanie uchenoi stepeni doktora filosofskikh nauk*, SPb., 2014. 370 p.
7. Baeva A.V. *Ontologiya i gnoseologiya* [Ontology and Gnosiology]. *Vestnik Moskovskogo universiteta*, ser. 7, *Filosofiya*, no. 3, 2018. Pp. 42-51.
8. Argamakova A.A. "Social Epistemology and Its Ways of Setting Policy". *Social Epistemology Review and Reply Collective*. Vol. 4. № 3. 2015. Pp. 5-8.
9. Rendle M.V. *Social epistemology in the modern scientific paradigm // Izvestia of higher educational institutions. The North Caucasus region*. № 2. 2015. Pp. 5-9.
10. Kasavin I.T. *The subject and method of social epistemology. Language, knowledge, society: Problems of social epistemology*. Moscow: IFRAN, 2007. 560 p.
11. Motroshilova N.V. *Social epistemology: new problems, discussions and dichotomies // Epistemology and philosophy of Science*. № 5(15). 2011. Pp. 5-31.
12. Argamakova A.A. *Sotsial'naiia epistemologiya: variativnost' toчек otscheta i sistem koordinat* [Social Epistemology: The variety of reference points and coordinate systems]. In: Kasavin I.T., Voronina N.N. (eds.) *Epistemologiya segodnia. Idei, problemy, diskussii*. Nizhnii Novgorod: Izdatel'stvo Nizhegorodskogo universiteta, 2018. Pp. 391-395.
13. Stoliarova O.E. *Stoit li myslit' nauku vne istorii?* [Should We Conceive Science outside the History?] *Epistemologiya i filosofiya nauki*, vol. 51, № 1. 2017. Pp. 47-51.
14. Koire A.V. *Ocherki istorii filosofskoi mysli* [Essays on the History of Philosophical Thought]. M.: Progress, 1985. 286 p.
15. Fuller S. *Humanity 2.0. What it Means to be Human Past, Present and Future*. New York: Palgrave Macmillan, 2011. 265 p.